

Алек Д'Асти

16+

ПЕЛИКАН

СЕРИЯ "НЕЧЕЛОВЕК"

Алек Д'Асти
Пеликан
Серия «Нечеловек», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64696907

SelfPub; 2021

Аннотация

Жизнь и смерть – сложно придумать более любопытные образцы для исследования, когда живешь вечно.

Доктор-вампир Стерх может назвать себя уникальным специалистом в вопросах жизни и смерти. Кроме того, он чрезвычайно опытный диагност, поэтому необычная болезнь, случившаяся однажды с леди Эликой, ничуть его не озадачила. Стерх очень легко, практически играючи, набросал в уме схему будущего лечения. Причем, не только для самой леди, но и для ее очаровательного окружения. В двух актах. Первый – для Элики, второй – для обывателей. Выживших обывателей, естественно.

Первая книга из серии «Нечеловек».

Алек Д'Асти

Пеликан

1. Стерх

Стерх был пьян. Второй раз за неделю.

Тьма укрывала город-порт, увенчанный треугольным замком госпожи, а заодно и пьяного сердитого Стерха. Местное дурное пойло отдавало прогорклой тиной. Изредка – забродившей красной ягодой. Если повезет.

Зимний залив, покоровившийся ночному небу, грустно вздохнул, набрал скорость и выплеснулся, омывая узкие переулки города. Соленая вода ни на миг не оставалась спокойной – верткие суденышки безостановочно сновали туда-сюда. Экипаж небольшой шхуны заканчивал выгрузку товара.

Стерх поворчал немного себе под нос и усмехнулся – контрабандисты любили эту тихую ночную пору. Последние несколько дней госпожа с ее жутковатым альтер эго не показывались на публике, и мелкие людишки немедленно воспряли духом, молниеносно наладив бойкую ночную торговлю в обход казны...

Мокрая брусчатка, казалось, с трудом выдерживала натиск океана. Залив врывался в пригороды порта ледяной волной, расплотив по углам приземистых каменных зданий колонии пушистой плесени.

Воздух был нехорош. Маленькая круглая площадь у та-

верны пропахла рыбьей требухой. Ремонтные доки неподалеку поскрипывали ржавчиной. Треугольный замок госпожи отчего-то звучал кислотовато, будто панически, с едва заметными нотками цветов Перевертыша... Стерх прекратил принохиваться, чтоб окончательно не захлебнуться этой отвратной какофонией, и нахохлился, пробормотав себе под нос:

– Четыре века. Докатился, дошагал, дополз. Из предпочтений лишь юркая молодая кровь и понабрехать покрасивше. Скучно. Следующие четыре века? Смысл. Нужен смысл.

Хмельное пойло обнаружить эту эфемерную сущность не помогло. Теплая соленость яремной вены обычно справлялась не только с этой, но и любой другой философской проблемой на раз, но Стерх сегодня не был настроен так сытно поужинать: «Или позавтракать?.. Поди разбери эти тонкости», – очередная шелестящая волна прилива неласково ткнулась ему в высокие сапоги. Ночь удушливо продавила окрестности – с дальних островов на город-порт надвинулась густая пелена тумана.

Стерх неторопливо прошелся вдоль кривоватой улицы, рассматривая ставший матово-серым воздух вокруг: «Плотная завеса. Скрадывает звуки. Отражает силуэты, будто портит. И вновь со стороны алых знамен – Драконы. Да уж. Видали мы таких драконов. Ящерки трусливые. Чуть порычишь и уже жирный, отброшенный хвост у ног дергается. Туман... просто взвесь мельчайших капелек, а скажут, мол, драконьи выдохи, не иначе. Чушь несусветная. Чушь. Чушь.

Пустые головы!»

За спиной у раздраженного мыслителя раздались быстрые шаги и робкое:

– Доктор?

Стерх остановился, обернулся как можно медленней, чтоб окончательно не перепугать посыльного, и кивнул:

– Именно. Слушаю вас, молодой человек.

Сутулый, тощий мальчишка судорожно сглотнул, до дрожи в коленках осознавая всю свою уязвимость перед древним вампиром, быстро оглянулся вокруг – никого, и залепетал:

– Гос... госпожа Рифа... она... п-п-п...

Стерх отвел взгляд и отступил на шаг, подбадривая:

– Соберись, мальчик.

– Прошу прощения, – выдохнул тот, сосредоточился и сбивчиво затараторил. – Вас вызывают в треугольный замок. Леди Элика... хм, случившаяся с ней неприятность требует... в общем, госпожа Рифа желает немедленно видеть вас у себя, доктор.

– В качестве... – приподнял бровь Стерх, лениво рассматривая кладку ближайшей невысокой изгороди.

– В качестве своего гостя и советчика по одному очень щекотливому семейному делу, – решительно объявил юнец, подтянув рукава скромной зеленой ливреи. – Я сопровожу вас.

– Нет необходимости, мальчик. Я захвачу саквояж и при-

буду незамедлительно. Кстати, будь осторожен на обратном пути. У второй пристани иноземные рвачи делят дневной куш. Не попадись им на глаза со своим то-о-оненьким горлышком. Свободен!..

Извилистые коридоры щекотали шею и лицо влажными сквозняками.

Треугольный замок истово хранил свое уже давно ставшее старомодным внутреннее убранство. Массивные камни, солевые разводы, уходящие ввысь сводчатые потолки, чуть отсыревшие фрески на стенах, тяжелые двери, кляцанье петель. Шмыгающие под ногами темные, покряхтывающие тени – грифоны многочисленных отпрысков госпожи.

«Совсем измельчали, – со вздохом подметил широко шагающий Стерх. – И двух веков не прошло... хм, а где же самый...»

Из закутка у дальнего перехода, навстречу спешащему доктору метнулось нечто мускулисто-пернатое, вытянутое, крупное, мгновенно раскинувшее узкие черные крылья, заполонив ими весь коридор – Лай встревожился. Более того, Лай был недоволен.

Грифон госпожи надвинулся и хищно зашипел, потребовав у ночного посетителя немедленной сатисфакции. Прижатый им к стене доктор лишь усмехнулся, поудобнее перехватив саквояж, и промурлыкал:

– Развлекаешься, птичка?

Лай моргнул от такой наглости, наклонил взъерошенную блестящими вихрами голову и продолжил таращиться на Стерха. Почти белые радужки грифона, рассеченные поперечной полоской зрачка, застыли под спокойным черным взглядом гостя. Древний вампир уже давным давно пресытился подобного рода гляделками, но обижать невниманием своего молчаливого визави не хотел, поддерживая затеянную им игру.

Узкие крылья с тихим шелестом скользнули по стенам. С потолка на плечо застывшему доктору упало несколько холодных капель. Сквозняк хлопнул ставнями маленького оконца неподалеку.

Лай, наконец, недовольно пророкотал что-то утробное, отпрянул и многозначительно уставился вглубь третьего из боковых выходов. Стерх благодарно кивнул ему, шагнув в указанную сторону, толкнул дверь, вошел и поморщился – приторный дух Перевертыша заполнял округлую темную галерею до краев. Расставленные на полу разноцветные фонари разбросали по мозаичным стенам яркие пятна света.

Следующая дверь тоненько скрипнула под плечом заторопившегося Стерха. Винтовая лестница малой башни казалась затопленной внезапным мощным приливом – ярко-синие разводы мутноватой, дымной субстанции лениво змеились по низким ступеням, закручиваясь то тут, то там маленькими искрящимися вихрями – Заречная ведьма всегда любила эффектные жесты. Следы ее злой, временами немис-

лимо жестокой магии отдавали синими всполохами, впечатляя обывателей до оторопи. Выживших обывателей, естественно.

Дверь в покои леди Элики была распахнута настежь. Тяжелые бархатные портьеры вздулись упругим парусом. Холодные сквозняки яростно трепали страницы позабытых на ковре книг, перекатывали по полу легкие свитки, позвякивали подвесками утекающей куда-то ввысь монументальной люстры в тысячу свечей.

В дальнем, самом темном углу кто-то недовольно заворчал, побулькивая, но Стерх не обратил на эти подозрительные звуки никакого внимания. Он обогнул кресло в узорчатом чехле, осторожно перешагнул через сметенные горкой осколки каких-то непонятных склянок и озадаченно оглядел заваленный рукописями массивный стол.

За ширмой, у прикрытой пологом кровати, кто-то протяжно вздохнул, неожиданно хрипловато и низко начиная беседу:

– Стряхивайте на пол. А лучше сразу в камин. Все эти заметки у меня на столе... неважно. Все равно. Стряхивайте.

– Леди Элика? – странно незнакомый, словно надломленный голос оставил Стерха в легком недоумении.

– Полагаю, не совсем *она*, – раздался невеселый смешок. – Заранее приношу вам свои извинения. Боюсь, матушка напрасно побеспокоила вас. Мой недуг слегка... не похож на банальные колики или мигрень.

– Тем интереснее, – рассудил доктор, аккуратно сдвигая испещренные записями листы на столешнице в сторону.

– Не думаю, – тихо, почти шепотом парировал голос и за-
тих.

Саквояж щелкнул сложными, витыми застежками. Места-
ми освобожденный из бумажного плена стол заполнился раз-
нокалиберными флаконами и стопками круглых, как монет-
ки, стеклышек. Добытая из черного мешочка, брошенная на
ковер краснолистная веточка Чистовика почти мгновенно
прогнала удушливый шлейф Перевертыша, оставляя лишь
собственный легкий, терпковатый аромат.

– Так намного лучше, благодарю, – негромко отозвался
таинственный голос. Дальний угол погудел неразборчивым
тенорком, соглашаясь.

– Леди Элика, – чуть более настойчиво попросил Стерх,
перебирая в саквояже аккуратные кофры с инструментами.

– Не думаю, – вновь сипловато отказалась ширма, но тут
же решительно выдохнула. – Впрочем, вам судить...

Услышав легкие, будто боязливые шаги, доктор поднял
голову от своего саквояжа и застыл.

Давний конфликт госпожи Рифы с Заречной старухой раз-
решился самым неожиданным образом. Синие дымные до-
рожки злопамятной ведьмы, щедро перемешанные с мель-
чайшей пылью Перевертыша, превратили угловатую стар-
шую дочь повелительницы грифонов во вполне себе строй-
ного, изящного юношу.

Породистый тонкий нос, печальные темные глаза, острые черты худого лица были явно списаны с прежнего образа, а вот роскошную черную копну волос уже успели остричь, выставив маленькие оттопыренные уши на всеобщее обозрение.

Стерх учтиво склонил голову, приветствуя своего нового знакомого, и, не сдержавшись, улыбнулся – яркий шелковый халат висел на преобразившейся Элике смешной, съездившейся тряпочкой. Оглядев запунцовевшего, поникшего юношу, доктор воспрял духом и очень легко, практически играючи набросал в уме схему будущего лечения. Причем, не только для самой леди, но и для всего ее очаровательного окружения.

В двух актах. Первый – для Элики, второй – для обывателей. Выживших обывателей, естественно.

2. Элика

Рихард весь день был слегка не в себе – ходил из угла в угол, шлепая кожистыми лапами, и поглядывал на притаившуюся за ширмой Элику маленькими глазками. *Слегка* не в себе. Его самообладанию можно было позавидовать. Пеликан...

Необычное альтер эго для высокородной леди. Пузатое, гадливое, громкое. Особенно, если учесть, что многочисленной родне в фамильяры достались изящные грифоны. Мелкие, писклявые, скверно летающие, но грифоны.

Впрочем, Рихард оказался исключительно умен и даже

склонен к дрессуре. Дрессуре своей высокородной хозяйки. Элика довольно быстро усвоила несколько несложных выражений на птичьем языке и выдавала ему приемлемые порции рыбьих тушек без промедлений. Способ сервировки пока что оставлял желать лучшего, но Рихард был не только умен, но и милостив к чужой неловкости, что существенно отличало его от остальных обитателей треугольного замка.

Босые ноги совсем заледенели, но леди лишь плотнее запахнула на себе любимый халат, расшитый огненными звездами. Элика все никак не могла привыкнуть к тому, что он стал ей настолько мал и тесен – узкий подол теперь совершенно неприлично обнажал лодыжки. Все кости вытянулись, поднывая, а тяжелая, длинная коса напротив – превратилась в несурзные кудряши, щекочущие шею.

Элика схватилась за коротко стриженную голову. Сердце почему-то молотило прямо в виски, хотя леди уже почти успокоилась. Почти. С самообладанием у нее дело обстояло немного хуже, чем у Рихарда.

Портьеры раздувало холодными, ленивыми пузырями. Перевертыш вынимал внутренности навязчивой, приторной вонью. Элику непрерывно тошнило. То ли от мерзкого запаха, то ли от залпом выпитых с утра снадобий. Осколки пустых, бесполезных склянок до сих пор стеклянной горкой поблескивали на полу. Воспоминания тоже поблескивали. Стеклянной горкой где-то в глубине души.

Сегодняшнее утро началось рано и серо-пасмурно.

«Или уже вчерашнее? Который час? Не понимаю...»

Леди стала юношей во сне – Заречная ведьма таким образом выразила ей свое расположение и симпатию. Боли не было, лишь неприятное, странное ощущение в паху после пробуждения. Чужое лицо в зеркале.

Чуть позже Элика кричала. Или выла.

«Поди разбери эти тонкости...»

Рихард в панике бегал по комнате и зачем-то жевал кисти на портъерах, подергивая головой.

А потом к леди пришло осознание: «Договор с драконами! Все из-за него!» – и тошнота после. Грудь и легкие схватило ледяным панцирем, поджимая.

Ящички стола были в мгновение разворочены. Ценные свитки охапкой свалились на ковер. Письма, стихи, баллады, рисунки, схемы интересных устройств с бисерными пометками без сожаления полетели в камин. Несколько бумаг Элика и вовсе разодрала в клочья – у высокородной леди неожиданно прорезался хоть какой-то темперамент. Вернее, у высокородного *принца*.

Нужный свиток нашелся нескоро и был приятно шершавым, розоватым, совсем свежим – копия с договора, сделанная самой же Эликой на плотной бумаге с выпуклыми оттисками крылатых силуэтов.

Недавнее мирное соглашение с драконами, заключенное после кровопролитной десятилетней войны гласило:

«Благоденствие наших земель... произрастет любовным

союзом сильных молодых сердец... объединив стяги рождением наследника. Дитя великих народов станет властелином... Третьего дня сего месяца нити судьбы Принца грифонов и Принцессы алых драконов будут скреплены законным браком воедино и навсегда...»

Элика не смогла дочитать последний абзац. В этом уже не было необходимости. Заречная старуха выбрала идеальный момент для атаки.

Объединение земель. Наследник двух родов. Принцесса алых драконов – единственная дочь господина Акона, повелителя драконов. Принц грифонов – старший сын госпожи Рифы. Без указания имен.

Старшим сыном госпожи Рифы в одно мгновение сделалась долговязая Элика. С фамильяром в виде крикливого пеликана. Бесплодная с рождения и навсегда. Вряд ли такой *принц* устроил бы господина Акона в качестве зятя. Заключение мирного договора с воинственными и жестокими драконами оказалось под угрозой срыва...

Леди сжалась в своем кресле, подрагивая. Ноги и руки торчали из халата отвратительно и нелепо.

Визит матушки разразился бурей. Казалось, весь треугольный замок покачнулся и скосбочился. Отрезанная одним движением черная коса полетела в узкое, боковое окно. Взбешенная госпожа Рифа обрила бы новоиспеченного сына наголо, но Рихард решил, что и неровной стрижки с его подопечной было уже довольно. Его раскатистое, протесту-

ющее: «Э-э-э!» – сопровождаемое хлопанием мощных крыльев, разнеслось на всю округу.

Черногривый Лай отчего-то не стал вмешиваться в развернувшийся семейный скандал. Посверлив пеликана, а после и госпожу со свитой задумчивым взглядом, он разочарованно потрянул блестящим чубом и ретировался. Расплодившиеся под крышей голуби интересовали его гораздо больше, чем какие-то там человечьи драмы. Грифон.

Элику тогда со всех сторон захлестнула нескрываемая враждебность во взглядах прислуги, брата Итона – уже не единственного, а младшего сына госпожи Рифы, и многочисленных сестер. Еще бы. Они уже примеряли роскошные наряды, сшитые к грядущему празднику, а тут такая оказия. Пеликан.

Ночь сгустилась матовым туманом, похитив звуки. Леди села ровнее и вытерла мокрые щеки рукавом, даже не подумав оглянуться в поисках платка. Боковое окно представлялось ей единственным способом разрешить эту непростую ситуацию, но она все медлила, рассматривая свой куций халат, ширму и улегшегося ей на ноги, горячего, пушистого Рихарда.

На лестнице раздались торопливые шаги. Рихард недовольно зафыркал, прислушался, но тут же снова притих. Леди нахмурилась, вытатила из-под его тяжелого пуза согревшиеся ноги и с любопытством выглянула в тонкую щель между листами плотной, узорчатой бумаги.

Доктор Стерх. Внимательные черные глаза. Скупые жесты. Иноземные пряности, чуть забродившая красная ягода и холодная океанская волна. Невероятно тактичный, сдержанный древний вампир – идеальный собеседник.

– Леди Элика?

– Полагаю, не совсем *она*...

Выпуклая капля дрогнула и растеклась по стеклышку, раскрываясь темно-красным, глянцевым.

Принюхавшийся к пробе Стерх озадаченно нахмурился, уложил стеклышко на стол и недобро покосился на застывшую у ширмы пациентку. Элика сделала вид, что не заметила его взгляда, и продолжила рассматривать красную точку на своем пальце. Палец был непривычно большой, а точка – маленькая.

Доктор заложил руки за спину и прошелся по комнате. С закрытыми створками высоких окон, в отсутствии сквозняков она казалась почти уютной.

– Ради чего? – сразу с интересующей его темы начал разговор Стерх, но леди легко уловила суть вопроса и сердито пробормотала в ответ:

– Вам разве не известно понятие «преданность»?

– Отчего же, наслышан, – прищурился на нее доктор. – Преданность кому, позвольте узнать?

– Семье, – в замешательстве прояснила неразумному древнему Элика. – И моему народу. Война уже много лет за-

бирает жизни. Вы были на северном побережье? Сожженные драконами сады, люди, превратившиеся в пепел! Смерть, распри, разрушение...

– Но-о-очью... – зло протянул Стерх, уставившись в потолок. – Ночью очень полезно спать, милый друг, а не зачитываться глупыми книжками и хрониками.

– Вы... – задохнулась от обиды леди. – Как вы смеете! Они не... Я...

– Преданность, – едва не по слогам, с отвращением отчеканил древний. – Преданность предполагает любовь. В разных вариациях. Вы чувствуете любовь? Она переполняет вас? Или, может быть, она сквозит из того бокового окна, выбранного для осуществления будущего акта... любви. К семье и народу, – он вдруг ощерился, глянув исподлобья, и зашипел. – Ос-с-стрые черные камни у кромки воды будут залиты не любовью, уверяю вас, а исключительно кровью, поверьте. Вашей душистой кровью. У меня большо-о-ой опыт в подобных вопросах.

– В вопросах любви или преданности? – приподняв бровь, язвительно уточнила Элика. – Ах, нет. Мы ведь уже сменили тему и обсуждаем лужу, которая после меня останется. У вас большой опыт в *этих* вопросах?! Охотно верю!

Проколотый палец вновь закровоточил. Леди сердито облизнула его, ощутив на языке легкую солоноватость, подняла голову и вздрогнула.

Стерх смотрел на нее неподвижно, оценивающе, холодно.

Черно.

У Элики в голове промелькнула невероятно привлекательная мысль – он мог бы ей помочь. Избавить от бокового окна и острых камней. Спасти. Быстро и почти безболезненно, но Доктор хмыкнул и очень медленно подошел к леди, прошептав ей в глаза:

– Даже не думай.

– Разве врачи не должны спасать своих пациентов? – в тон ему ответила Элика. – Мучения, боль, страхи... все уйдет. Я уйду. Больше никогда и ничего не буду чувствовать. Это мой долг и...

– Долг. Еще один расплывчатый термин, – со смешком отвернулся к столу Стерх, убирая флаконы и стеклышки в свой темный саквояж. – И чем старше я становлюсь, тем сильнее он расплывается. Туман. Сплошной туман. Итак, – он снова выпрямился перед погрузневшей пациенткой и ознакомил ее с диагнозом. – Синяя магия Заречной необратима. Я, как врач, предоставлю тебе очень ценную возможность в полной мере прочувствовать любовь окружающих. Ты поймешь, что такое преданность. А после – поговорим.

– С кровавой лужей? – раздраженно фыркнула леди, обхватив себя руками.

– Пусть так, – кривовато улыбнулся доктор и вдруг фамильярно подмигнул ей. – У меня большой опыт обращения с... подобной субстанцией. О, я уже совершенно безобразно опаздываю на следующую встречу! Чудесная получилась бе-

седа, вы идеальный собеседник. Благодарю вас, леди Элика. Прощайте.

3. Фамильяр

Хрупкие молодые голуби довольно быстро его разочаровали, а вот отблески луны на крыше темной башни показались любопытным явлением. Ловить их когтистой лапой было почти весело.

Лай привстал, уцепившись за тонкий шпиль, и прищурился на залив. Корабли драконов должны были прибыть с рассветом. Грифон презрительно выдохнул – алая полоса горизонта наверняка растворит своим величием красные паруса жалких человечков.

Холодная вода океана оголила острые черные камни внизу, у подножия. Темная башня вдруг ожила – из ее каменного бока высунулась растрепанная голова и зачем-то основательно рассмотрела окрестности. Лай озадаченно приподнял чуб. Дочь госпожи уже не пахла муторной травой и теплой молодой кожей. Скорее кисленькой боязливой решимостью.

Из глубины своего насеста грифон услышал шум, хлопанье крыльев и отчаянно-протестующее: «Э-э-э», – сорвавшееся в хриплые стоны.

Боковое окно вдруг выплюнуло укутанную в светлое фигурку.

Лай еще более озадаченно моргнул. Элика не умела летать. Он знал это абсолютно точно. Почти мгновенно последовавший звук глухого удара только подтвердил эту его

убежденность.

Башня перестала шуметь и гаркать.

Лай прикрыл беловатые глаза и с наслаждением выслушал шепот залива. По стенам и изгородям шебуршали развешанные людишками разноцветные тряпки, слегка нарушая этот идеальный фон – черный загрибок грифона раздраженно приподнялся.

Снизу чувствительно потянуло кровью.

Лай расправил узкие крылья, подхватив ими восходящий поток воздуха, чуть поборолся с ним, заигрывая с обтекающим башню сквозняком, и легко спланировал к подпорченной фигуре.

Остывающая леди зачем-то неподвижно уставилась в еще не проснувшееся беззвездное небо. Лай хотел составить ей компанию и тоже поглазеть, но вдруг судорожно дернулся, вытягивая шею. Его беловатые радужки налились холодной бирюзой тяжелого взгляда госпожи Рифы, теряя поперечный зрачок.

Грифон медленно положил когтистую лапу на белое горло Элики и чуть продавил, ощутив похрустывание сломанных позвонков – звук безнадежно испорченного, ранее живого механизма. Лай убрал лапу и строптиво мотнул головой, прогоняя госпожу. Подобное общение не приносило ему никакой пользы, лишь беспокойно тянущее изнутри чувство, похожее на боль.

Кромка воды затрепетала мелкими волнами.

Грифон ощерился, но тут же вновь уселся столбиком – темная фигура в высоких сапогах была ему хорошо знакома, разве что вкусно пахнувшего саквояжа при докторе не было. Пронизанный силой древний почему-то отказался вновь играть в гляделки, осмотрел тонкое тело, лежащее у его ног, и двинулся в сторону замка. Лай торопливо последовал за ним, с любопытством принюхиваясь – нечеловек задумал увлекательное. Скорость его перемещения и вовсе приводила грифона в состояние, близкое к экстатическому восторгу. Узкие крылья Лая неистово чиркали на ходу по каменным стенам замка, когтистые лапы мощно отталкивались, царапая ступени и кое-где продырявив ковры. Стерх же двигался бесшумно, деликатно и всегда на шаг впереди.

Синие дымные змейки тревожно закрутились, перемещаясь, и с легким шипением пропустили черную пару в уже бывшие покои бывшей же леди Элики...

Грузная белая туша неподвижно лежала у стола.

Лай подумал, что крикун издох, наконец, но не случилось – услышав шорохи, Рихард медленно поднял голову, блеснув на гостей круглым глазом и неловко поднялся на ноги. От его сероватой кожистой лапы куда-то под стол тянулся золотистый шнур. пышные кисти на нем были уже изрядно пожеваны, но перекусить привязь и вырваться Рихард так и не сумел. Грифон презрительно выдохнул.

Стерх быстро прошелся по комнате, захрустев осколками склянок на полу, дернул шнур, развязывая... освобожден-

ный пеликан встрепенулся, зашлепав к боковому окну, и почти выпал наружу.

Лай в недоумении моргнул. Рихард не умел летать. Грифон был в этом абсолютно уверен, но несуразная туша вдруг распахнула огромные белые крылья, умело поймала окружающий плотный слой воздуха и благополучно приземлилась рядом с телом леди Элики.

Грифон и нечеловек замерли, наблюдая дальнейшее действие. Пеликан внизу странно заквохтал, зашептал неразборчиво, улегся всей тушкой прямо на грудь своему альтер эго, вновь опустил голову и застыл.

Лай непонимающе засопел – греть мертвое тело не было никакого смысла, тем более, что острые камни уже покрылись тонким, блестящим слоем будущего ледяного прилива. Доктор же почему-то удовлетворенно кивнул и неторопливо ушел за ширму. По дороге он прихватил с комода позабытый Эликой платок и, усевшись в ее любимое кресло, принялся внимательно разглядывать вышитый на нем особый именной символ – «Пеликан».

Грифон еще немного потоптался, сминая разбросанные по полу приятные бумажки, принюхался и приподнял чуб – древний решил немного повременить, милостиво позволяя окружению покойной леди хоть как-то оправдать себя. Лай прилег у стола, чуть поигравшись золотистыми кистями, и в ожидании сложил крылья.

Алая полоска рассвета расширилась, осветив низкие пе-

ристые облака. На горизонте показались яркие паруса и драконьи стяги приближающейся эскадры господина Акона. Несколько неказистых торговых шхун огибали их на внушительном расстоянии, опасаясь нарушить идеальный строй.

Город-порт и треугольный замок озарились наиярчайшей россыпью разноцветных, приветственных огней – госпожа Рифа всегда любила эффектные жесты.

Солнце медленно уходило за горизонт, окрашивая горизонт желто-багряным.

Треугольный замок был переполнен громкими разговорами и суетой перед предстоящим торжественным ужином. Грифон слышал, с отвращением ощущал весь этот гомонящий людской муравейник и не имел никакого желания покинуть тихую темную башню. Отлив вновь обнажил острые камни у ее подножия, трогая, закручивая у кромки воды несколько потрепанных, уже сероватых перьев. Тело Элики пропало, проглоченное волной и жадными водоворотами на дне залива. Упрямый пеликан, вероятно, отправился следом за ней в холодную глубину.

Стерх резко встал и подошел к высоким окнам. Город-порт ожил, принарядившись разноцветными флажками и пушистыми букетами. Замок деятельно шумел, но леди Элику отчего-то до сих пор никто не пригласил спуститься к ужину. Синие дымные змеи за день утомонились и висели теперь почти неподвижно.

Лай моргнул и заинтересованно приподнял голову. От взмаха его черных крыльев стопка бумаг на столе накренилась и начала медленно осыпаться на пол.

Доктор фамильярно подмигнул грифону и протянул руку к оконной створке, коснувшись стекла лишь кончиками пальцев...

Бумаги вдруг застыли в воздухе ступенчатой дорожкой – от стола к пестрому узору на ковре. Город-порт, треугольный замок, люди, аляповатые цветочные гирлянды на планшире ведущего корабля; холодный залив ровный, будто глазурь, и багряное солнце... все превратилось в декорацию. Обезличенную. Тихую.

Тишина. Мгновенная и абсолютная.

Лай понял, что для него есть смерть – это тишина. Остановившееся время. Грифон наострил уши, подергивая блестящими вихрами, напряженно принялся – было пресно, и вскочил на ноги.

Нечеловек смотрел на него неподвижно, оценивающе, холодно. Черно.

Грифон, не выдержав подобного рода гляделок, отвел взгляд, съежившись, а когда снова выпрямился, Стерха у окна уже не было.

Звуки вновь хлынули со всех сторон – оглушительно, давяще, жестко. Стопка бумаг с громким шелестом обрушилась на пол. Треугольный замок вдруг загомонил так, что Лай ошалело заметался по комнате. Визг, испуганные воз-

гласы, полные отчаяния крики...

Откуда-то снизу чувствительно потянуло кровью.

Грифон мотнул головой, прогоняя госпожу, отказывая ей в себе, и с шипением ринулся к винтовой лестнице. Окончательно разогнав синих змей, он молнией пролетел полутемную галерею, жадно втягивая по пути наполненный свежим металлом воздух.

В золотистой, очень светлой гостевой зале творились хаос и толпа, но хрупкие людишки мгновенно расступились перед стремительным черным зверем.

В центре белоснежного ковра, неестественно вывернув шею, лежала тощая, блеклая девица. Ее пышное алое платье, расшитое драконьими головами, напротив, было безупречно.

Остывающая гостя неподвижно уставилась куда-то в сторону. Грифон рыкнул и с любопытством повернулся в «указанном» ей направлении...

Весь правый угол просторной комнаты будто затопило неожиданным кровавым приливом. Небольшой серый дракон принцессы лишился головы и не только – его упитанный, отброшенный хвост валялся в стороне от красной лужи и еще чуть подрагивал острым кончиком.

Двери бокового выхода загрохотали. В зал ворвался побагровевший, задыхающийся господин Акон.

Лай заинтересованно прищурился на него.

Господин сделал несколько шагов, опустился на колени у

тела дочери и замер. Его лицо приобрело еще более нездоровый вид – у обтянутого алым шелком, бледного плеча принцессы лежал чуть примятый платок. Вышитый на нем особый именной символ задорно поблескивал и был вполне узнаваем.

«Пеликан».

Лай выдал долгий, восторженный клетот. Задуманное нечеловеком увлекательное превзошло все ожидания черного зверя.

Маленькая бухта за ремонтными доками вытянулась длинными тенями и утонула в синеватом сумраке.

Мокрый халат неприятно хлопал по коленям ледяным подолом, но выбравшемуся на берег юноше было совсем не холодно. Ему казалось, что в груди полыхало сухое сено. Пушистое, хрустящее, целой охапкой.

Серый песок маленькой бухты впивался в босые ступни, словно мелкое стеклянное крошево. Было непонятно куда идти, поэтому юноша остановился и заторможено огляделся вокруг. Справа были только голые черные утесы, зато слева, вдали...

Треугольный замок был объят ослепительно-рыжим заревом. Боевые корабли господина Акона поливали город-порт жидким огнем, затопив узкие кривоватые улочки жаркими волнами и тучами еще раскаленного пепла.

Юноша попятился, но тут же остановился, резко обернув-

шись. Стерх кивнул ему, приветствуя, и осмотрел бухту. Вид на треугольный, уже местами обвалившийся факел, не заинтересовал его ни разу.

– Ваше имя, – хрипловато выдавил из себя юноша. – У вас ведь тоже был... фамильяр? Альтер эго?

– Да. Белый журавль, – улыбнулся ему доктор. – Очень давно. Он отдал за меня жизнь. Я остался в этом теле, хотя предпочел бы его. Летать я все же могу. Далеко, преодолевая горизонты. Правда, только во сне, Элика.

– Рихард, – решительно поправил его молодой визави и продолжил. – Знаете, я бы тоже предпочел *его* тело. Как ни странно, оно более привычное для меня.

– Увы, – пожал плечами Стерх. – Пеликан отдал себя тебе, а не наоборот. Преданность. Он бросился на выручку, даже не догадываясь о существовании красивого слова «долг». Оно было ему без надобности. Зачем все эти лишние нагромождения, если есть одно необходимое – «любовь».

Новорожденный Рихард вновь оглянулся на пылающий город и тихо спросил у древнего:

– Зачем?

– Жизнь и смерть, – лениво промурлыкал в ответ доктор. – Основополагающие нечто. Сложно придумать более лакомый образец для исследований, когда живешь вечно. Город... тамросло слишком много плесени. Лечить было бесполезно, только чистить. Я не так часто выбираю скальпель, но это как раз тот самый случай. Да и эту вялотекущую

войну уже пора было заканчивать. Грифоны повержены. Госпожа мертва. Лай не пожелал прийти ей на помощь, не отдал себя, упорхнул озорной птицей, предварительно понаблюдав за ее корчами. Грифону слово «долг» тоже было без надобности. Измельчали, ничего не поделаешь.

– Зачем все это? – вновь спросил у него Рихард, добиваясь прямого ответа. – Вам не хватает собеседника? Я тоже стану вампиром? Я должен буду убивать... я...

– Опять это «должен», – хохотнул древний, призывая себя быть снисходительней к юному дарованию. – Лечение еще не закончено. Оно в самом разгаре. Магия Заречной скоро окончательно прогонит леди, а пеликан отучит тебя думать чересчур... человечно, будь уверен. И пусть его тушка кормит рыб на дне залива, он не мертв, просто утомился и дремал, бедолага.

– Я... – Рихард в недоумении уставился на Стерха. – Я не понимаю о чем вы. Фамильяр погибает, когда отдает...

– Преодолевая горизонты, я летаю во сне, – многозначительно повторил доктор, оглядывая небо. – И ты тоже будешь. Во сне. Вместе с ним. Пеликаны очень красиво выгибают шею в полете и совсем не кажутся грузными. Рихард теперь свободен. Вы оба, но большая часть его сущности теперь навсегда останется с тобой. При тебе.

– Вот как, – усмехнулся юнец, обдумав слова древнего, и иронично заметил. – А я, значит, останусь с вами?

– Если пожелаешь, – кивнул ему Стерх. – В качестве уче-

ника и все того же собеседника.

– А может, фамильяра? – немедленно вспыхнул Рихард. – Надоели бессловесные твари, многоуважаемый древний?! Захотелось человечинки?!

Доктор удивленно приподнял брови и вдруг неожиданно громко расхохотался, кое-как, сквозь смех, объясняя хмурому мальчишке причины своего веселья:

– Чудесно! Заречная старуха осталась с носом! Очаровательно! Против такой язвы, как леди Элика, медицина и магия бессильны! Ручаюсь, я только что приобрел не только подопечного, но и нежнейший цветочек «Элика» в довесок, который будет время от времени, прощу прощения, прорастать и исходить вонюю в непосредственной от меня близости! Великолепно! Пойдем, милый друг. М-да, пока ты еще слегка неуклюж, но это не беда. Я научу тебя перемещаться ловчее, чтобы Лай не смел больше смотреть на тебя презрительно. Да... ему нужен некоторый смысл, как и нам всем, собственно. Хохлатый притаился там, у маяка за утесом, и опять пристанет с гляделками, когда подойдем ближе. Фамильяр? Нет, скорее просто домашний питомец. Большой кот... или он птичка... хм, лев? Поди разбери эти тонкости.